

УДК 81'22
ББК 81.411.2

А.А. Камалова
Alla A. Kamalova

Цвет и его репрезентация в русском языке

Representation of color in Russian language

Аннотация: Статья посвящена принципам и механизмам репрезентации знаний о цвете в русском языке. Вопросы репрезентации рассматриваются на материале лексики, обозначающей красный цвет и его модификации. Автор анализирует первичные, вторичные и третичные именованья цвета, приводит примеры устаревших именованья, описывает инновации в области модификации цвета. Исследование показало различные механизмы представления знания цвета и противоречие отношений языковой и когнитивной системы.

Ключевые слова: цвет; цветовая картина мира; репрезентативная система; красный.

Abstract: The task of article is a studying of the principles and mechanisms of representation of knowledge about color. Problems of representation are described on material of the Russian color words calling red color and its modifications. The author analyzes the main, secondary and tertiary names of color, gives examples of outdated names, describes innovations in the field of modification of color. The research revealed various mechanisms of representation of knowledge of color and the contradictory relations of cognitive system and language system.

Keywords: color; color picture of the world; representative system; red.

Теория цвета – одна из сложнейших и обширнейших областей знаний. Она объединяет элементы различных наук: оптики, спектроскопии, колориметрии, анатомии и физиологии человека, психологии, теории и истории искусства, философии, эстетики, теории архитектуры и дизайна, языкознания и многих других прикладных областей знаний. Научная и популярная литература о цвете колоссальна, и в рамках отдельной статьи не представляется возможным рассмотреть аспекты и методы изучения лексики цвета. Несмотря на множество публикаций, интерес к цветовой лексике и ее функционированию в текстах не угасает.

Исследователи, анализируя семантику цветоименований, как правило, обращаются к научной теории цвета, к результатам спектрального анализа. По этому поводу В.Г. Кульпина пишет: «при рассмотрении проблематики цвета трудно оставаться в границах собственно языкознания, ибо масса работ в этой сфере написана в русле других наук» [Кульпина, 2001, с. 9]. Автор данной статьи делает попытку рассмотреть проблемы репрезентации цветовой лексики в русском языке с позиций языковой и когнитивной системы. Следует, однако, сказать, что интерпре-

тация репрезентативной системы также потребовала обращения к фактам иных областей знаний. Материалом исследования послужили именованья красного цвета и его модификаций в русском языке, источником материала являются словари русского языка (см. Словари), а также примеры из списка названий цвета в русском языке [Названия цветов, URL].

Понятие «репрезентация» состоит на службе многих наук, включая философию, психологию, социологию и лингвистику. Когнитивная лингвистика оперирует термином *ментальная репрезентация*, это «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления мира <...> мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах» [Кубрякова, 1997, с. 157]. Естественно, что репрезентативная система, т.е. то, как человек мысленно кодирует информацию, используя сенсорную систему, должна изучаться индивидуально в каждом конкретном случае. Это значит, что репрезентативная система не одинаково «работает» при представлении, например, животных, артефактов, эмоций человека или цвета. Цвет занимает особое место в системе знаний.

Восприятие цвета – процесс сложнейший, обусловленный физическими, физиологическими, психологическими стимулами. Для цветового зрения актуальны два качественных уровня – ощущение цвета и восприятие цвета. Ощущение обусловлено физиологией человеческого зрения, а значит, оно универсально и индивидуально одновременно; восприятие обусловлено закономерностями психики и условиями наблюдения [Буймистру, 2010, с. 30]. Кроме вышеназванного, необходимо отметить культурную обусловленность цвета в языковой картине мира конкретного языка. Цвет – один из наиболее глубоких пластов этнической когнитивной базы, из чего следует, что имена цвета наделены национально-культурными качествами и ценностями [Гатауллина, 2004, с. 115].

В различных культурах, пишут О.В. Ильина и К.Ю. Бондарева, основой мироздания служило разное число цветов. Особое значение придавалось трем цветам – красному, черному, белому. Развитие восприятия способствовало актуализации цвета и репрезентации различных цветов, при этом за ними закрепляется определенная магическая функция и символика: для Китая и Индии актуальными были 5 основных цветов: *зеленый* (весна, Восток, Юпитер, Дракон), *красный* (лето, огонь, юг, Марс, Феникс), *белый* (осень, металл, Венера, Тигр), *черный* (зима, вода, север, Меркурий, Черепаха) и *желтый* (конец лета, земля, центр, Сатурн, Змея). В Египте цветовая система репрезентирована 6 цветами: *красный*, *желтый*, *зеленый*, *синий*, *белый* и *черный*. В древней Греции основными считались 4 цвета: *черный*, *красный*, *белый* и *желтый* [Ильина, Бондарева, 2008, с. 6].

В исследовании Б. Берлина и П. Кейя, посвященном базовым терминам цвета, выявлены универсальные цветовые категории (всего одиннадцать), языки осваивают эти категории в определенной последовательности, а именно: первая стадия – *black, white*, вторая – *red*, третья – *green, yellow*, четвертая – *blue*, пятая – *brown*, шестая – *purple, pink, orange, gray* [Berlin, Kay, 1969, с. 210].

Современный взгляд на русскую традицию именованя цвета выявляет 9 актуальных, культурно значимых окрашенных (хроматических) цветов: *красный, синий, голубой, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый, розовый, коричневый* [Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2005, с. 16], и три неокрашенных (ахроматических) цвета: *белый, серый, черный*.

Физиология человеческого зрения позволяет различать множество ахроматических и хроматических цветов и их модификаций, в разных источниках называется различное количество цветов и их оттенков, тонов, тональностей. Так, например, только в ахроматическом ряду глаза способны различать около тысячи ступеней перехода между белым и черным [Козлова, 2010, с. 86]. Цвет как вербализованная и культурно обусловленная система знаний, а также представлений, ассоциаций, символов позволяет говорить о цветовой картине мира. При этом следует различать национальную, этническую, индивидуальную цветовую картину мира. Изучение цветовой картины проводится в различных направлениях: описываются синхронный или диахронический срезы цветовой лексики, изучаются источники номинаций и функции цветовой лексики в текстах различных жанров, проводится сравнительный и типологический анализ цветоименований и под.

По мнению Д.А. Таракановой, цветовую картину мира русской народной культуры характеризует консервативность в использовании спектра цветообозначений. Наиболее распространенные оппозиции – это <белое – черное> и <красное – белое>. Народная картина мира основана на цветовой триаде *белый – черный – красный* [Тараканова, 2012, с. 15]. Значение красного цвета для русской культуры подчеркивает В.В. Похлебкин, приводя примеры культурно обусловленных смыслов красного цвета: «Словом “красный” обозначается все лучшее, высококачественное (*красный товар, красная рыба, красная дичь*), все красивое, прекрасное, сильное (*красна девица, красный молодец*), все редкое, официально высокое, почетное (*красный угол, красная площадь, красная печать, красное место, красная книга*)» [Похлебкин, 2001, с. 392].

Прилагательное *красный* как имя цвета соотносится с цветовым образом крови, точнее, с одним из оттенков цвета крови, а также выступает в качестве идентификатора или дифференциатора при описании цветов и их модификаций. Таким образом, можно говорить о лексическом пласте со значением ‘красный’ в русской

языковой картине мира. И здесь необходимо сказать о лексико-семантических подвижках в рамках данного языкового пространства. Согласно этимологическим словарям *красный* происходит от старославянского слова *красьнь*, которое называло разнообразные положительные качества: красивый, прекрасный, великолепный [Фасмер, т. 2, с. 368]. О времени появления цветового значения у слова *красный* нет единого мнения, по разным источникам это XIV, XV или XVI век. Как и в других славянских языках, в русском в этом значении функционировало прилагательное *чървень* или *чървленъ*, праславянского происхождения. В современном русском языке *червонный*, с пометой «устар. и трад.-поэт.» толкуется как «красный, алый», слово двузначное (*червонная валюта* и *червонное золото*) и имеет омоним, являющийся термином карточной игры (*червонные карты*, *червонный король*, *червонная дама*). *Червленный* с пометой «устар.» современными словарями толкуется как «темно-красный, багряный» [БТС].

По поводу истории слова *красный* читаем: «До того, как слово *красный* стало выполнять функцию основного термина соответствующей категории и оттеснило многие другие слова на периферию, для выражения оттенков красного цвета использовались три группы слов: 1) слова общеиндоевропейского происхождения типа *рудой*, *рдяный* (восходят к корню слова ‘руда’); 2) уже упоминавшаяся группа синонимов от корня *червь* (*червленный*, *червчатый*, *червный*, *червонный*); 3) слова со старославянским корнем ‘багръ’ (*багор*, *багрец*, *багрецовый*, позднее *багряный*, *багровый* и т.д.)» [Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2005, с. 38].

Красный в значении ‘цвет крови’ квалифицируется как один из трех основных цветов: *красный*, *синий*, *зеленый*, согласно иному подходу – четырех основных цветов: *красный*, *синий*, *зеленый*, *желтый*; это так называемые окрашенные насыщенные (сочные, глубокие, чистые) цвета. Разновидности основного цвета обычно называют оттенками. В неспециальной литературе слово *оттенок* применительно к цвету означает результат смешения цветов, в языке для специальных целей *оттенок* – это смешение чистого цвета с белым, *тон* – результат смешения основного цвета с черным, *тональность* – результат смешения основного цвета с серым, но палитра конкретного цвета может обогащаться также за счет смешения основного цвета с другими основными цветами или их модификациями. Например: *розовый* – это белый с добавлением красного, *каштановый* – это красный с добавлением черного или коричневого. Однако в сознании носителей языка, не приобщенных к знаниям о смешении цветов, *розовый* цвет не ассоциируется с белым, а *каштановый* с черным. В языке работают специфические ассоциации, основанные на наблюдениях за реальными предметами: *розовый* – цвета чайной розы, *каштановый* – цвета каштана. Не случайно изосемической частью речи для цветовой лексики является

прилагательное, оно выражает знание о предмете, являясь семантическим предикатом.

Согласно традиции системной лингвистики при описании лексико-семантических парадигм выявляется состав лексем, объединенных общей, идентифицирующей, семой, моделируется иерархия семантических отношений, устанавливаются ядро и периферия семантической парадигмы. В общем виде данный принцип лежит также в основе описания языковой картины мира. Например, основой моделирования может быть методика противопоставления значения основного цвета (красный, синий, желтый, зеленый) как яркого и насыщенного и его разновидностей как неярких и ненасыщенных («бледные» и «темные»).

Цветолексемы со значением ‘красный’ в соответствии с представлениями о насыщенном / ненасыщенном и ярком / неярком цвете можно классифицировать по трем группам: а именно: ‘яркий, насыщенно-красный’, ‘светло-красный’, ‘темно-красный’.

Так, значение ‘яркий, насыщенно-красный’ в современном русском языке предположительно может быть представлено прилагательными *алый, красный, кровавый, кумачовый, маковый, пурпурный / пурпуровый, рдяный (устар.), румяный*. Согласно словарным дефинициям *румяный* – алый, густо-розовый, *алый* – ярко-красный, *кумачовый* – ярко-красный, *пурпурный* – ярко-красный. *Рдяный* как устарелое не регистрируется современными толковыми словарями, однако находим глагол *рдеть* – «становиться красным, обычно о лице» [БТС; Ожегов]. Представленная выше классификационная модель логична, но не репрезентативна. Поясним сказанное.

Первоначально, как представляется, мотивацией для названия цвета и оттенков были натуральные, природные, объекты соответствующего цвета или объекты, на основе которых изготавливались краски.

Так, примером цветового образа для красного цвета могут быть кровь, цветы мака, плоды рябины, малины, земляники, клюквы и т.д., примером наименования цвета на базе пигмента – насекомое *кошениль*, самка которого выделяет карминовую кислоту, на основе которой получают цвет, называемый *кошенилевым* или *карминовым, карминным, кармин*. *Кармин* – из палитры красных цветов, но описать его сложно, к тому же существуют его модификации: *глубокий кармин, средний кармин, карминно-красный, глубокий карминно-розовый, карминно-розовый, светло-карминово-розовый*.

Кирпичный, согласно Большому толковому словарю, – это «коричнево-красный», а *коричневый* – «цвета корицы или жареного кофе, темный-буро-желтый». *Фиолетовый* толкуется как «синий с красноватым оттенком, темно-лиловый», а *лиловый* –

как «светло-фиолетовый, имеющий цвет сирени или фиалки». Но в русском языке функционирует также слово *сиреневый*, толкуемое как «бледно-лиловый, цвета сирени» [БТС].

Лингвистические дефиниции, с одной стороны, выполняют идентифицирующую функцию, соотнося значение цветолексемы с одним из основных цветов, а с другой – стремятся дифференцировать цвет, приводя, не всегда последовательно, примеры соответствующего цветового образа предмета. Закономерен вопрос: «*Кирпичный* – это оттенок красного или коричневого цвета?». Попытки упорядочить названия цветов наталкиваются на определенные противоречия. Можно, конечно, подключить цветовой образ: *кирпичный*, естественно, это цвет кирпича, однако цвет «свежего» глиняного обожженного кирпича будет отличаться от цвета старой кирпичной кладки. *Фиолетовый* – цвета фиалки, *сиреневый* – цвета сирени, однако сегодня известно множество сортов фиалок различного цвета, а также сортов сирени – от белой до темно-фиолетовой. Мотиваторами являются древнейшие зрительные образы, где роза всегда *розовая*, сирень – *сиреневая*, что соответствует первичным свойствам этих объектов.

Приведенные примеры позволяют думать, что цветовая картина мира содержит именованья различной степени репрезентативности. Одни именованья не репрезентативны (*фуксия*), другие – закреплены за цветообразом (*кумачовый* флаг, стяг), третьи, напротив, абстрагированы (*красный*, *розовый*). В связи со сказанным приведем результаты ассоциативного эксперимента, цель которого заключалась в выяснении наличия / отсутствия в языковом сознании русских доминирующего цветового облика растения. Респонденты должны были назвать цвет растения. Стимулами явились слова *роза*, *тюльпан*, *гвоздика*, *сирень*, *пион*, *лилия*, *фуксия*. Далее приводятся ответы на стимул *роза* и *фуксия*.

Роза – красный (32), розовый (26), алый (10), бордовый (7), белый (5), оранжевый (3), багряный, кровавый, розово-желто-оранжевый, кремово-розовый, алый с отблеском, почти белый, средне розовый, мягкий розовый, перламутровый, синий, черный (1).

Фуксия – фиолетовый (4), ярко-красный (3), розовый (3), малиновый (3), сиреневый (3), ядовито-розовый (2), зеленый (2), огненно-красный, фиолетово-розовый, недофиолетовый, яркий сиренево-розовый, красно-желтый, ядовито-желтый, светло-синий (1), затруднились ответить (2) [Федяева, 2013, URL].

И если *розовый* для современных носителей русского языка не строго закреплен за цветком, то цвет *фуксия* не репрезентативен. Мотиватор этого цвета – одноименный цветок, родина которого Центральная и Южная Америка, был назван в честь немецкого ученого XVI века, «отца ботаники» Леонарда Фукса; цвет *фуксия* в справочной литературе характеризуется как пурпурный. А *пурпурный* определяется

как *ярко-красный*. Чтобы представить цвет *фуксия*, необходимо иметь зрительный образ цветка соответствующего растения, которое не произрастает в природных условиях Европы и разводится садоводами.

При моделировании цветовой картины мира трудно решаемой задачей является вопрос о лексике устарелой. В частности, слов, утративших мотивацию, соответственно – цветовой образ, и перешедших в пассивный состав. Список устарелых слов, обозначающих ярко-красные, бледно-красные и темно-красные оттенки, тона и тональности, достаточно обширный; здесь приводятся примеры лексем, некогда функционировавших, как правило, для именовании тканей. Например: *багдад* – «Розоватый, цвета кирпичной пыли»; *базарного огня* – «Определение оттенка почти невозможно ввиду сложности ассоциаций, возникающих в связи с этим названием: огненно-красный с примесью желтовато-синего или серого. Название возникло в конце XIX в. – в память о страшном пожаре на благотворительном базаре в Париже в мае 1897 г., когда в огне и дыму погибло немало народу»; *веселая вдова* – «Сочный, чуть лиловатый оттенок розового»; *гуляфный* – «Красный, цвета спелых ягод шиповника. Но встречалось и определение этого цвета как розового» [Список устаревших названий цветов и оттенков, URL]. Приведенные примеры представляют интерес для диахронического изучения цветовой картины мира, истории данного лексического пласта, данный материал интересен для мотивологии.

Обращение к истории лексико-семантической группы единиц со значением 'красный' позволяет выявить исторические этапы освоения цвета. «Так, в древнерусский период функционировали цветообозначения *редрый / рёдрый, румяный, русый, червленый / черленый, багряный, кровавый, прапрудный* (XI–XII вв.), несколько позже, в XIII–XV вв., к ним присоединились *алый, вишневый, огненный, рыжий, черчатый*. В XVI–XVII вв. к ним присоединились прил. *багровый, маковый, медный, мясной, гуляфный, кармазинный, киноварный, кирпичный, кумачовый*. В XVIII–XX вв. появляются имена цвета *багровый, бордо(вый), кумачовый, оранжевый, пунцовый, пурпуровый, розовый, шарлаховый, апельсиновый, брусничный, гранатовый, карминный, клюквенный, малиновый, морковный, ржавый, рубиновый, рябиновый, свекольный, терракотовый*» [Садыкова, 2006, с. 17–18].

Особенности системы именовании цвета – высокая подвижность лексического состава. Цветовая картина мира активно обогащается заимствованиями и за счет развития собственных языковых ресурсов. «Параллельно с процессом развития основных терминов, в языке появляются слова, передающие отдельные оттенки цвета, а их число непосредственно связано с уровнем цивилизованности данного общества» [Василевич, 2007, с. 18]. Новые именовании возникают для нужд современной промышленности и дизайна, это термины специальной речи. Так, напри-

мер, цвета в автомобильной промышленности имеют оригинальное именование: *бургундия* – красный металлик, *венера* – темно-красный, *каберне* – темно-вишневый, *кардинал* – ярко-красный и под.; *кармен*, *торнадо*, *кубок* характеризуются как «красный», но их цветовой образ различается. Для сравнения приведем следующий факт: в живописи и текстильной промышленности списки именованных цвета отличаются и количеством и отчасти номинациями, например, палитра коричневого цвета в живописи представлена 39 наименованиями, в текстильной промышленности – 166.

Развитие цветовой печати и веб-дизайна существенно продвинули практику продуцирования цвета. Выявлено, что только три цвета невозможно получить смешением цветов, это *красный*, *желтый*, *голубой*. На базе этих цветов, первичных, продуцируются три составных, вторичных, цвета – *оранжевый* (красный и желтый), *зеленый* (желтый и синий), *фиолетовый* (синий и красный). Смешение основных цветов с вторичными или их оттенками позволяет получить безграничное количество третичных цветов. В связи с этим возникла острая потребность в создании системы номенклатуры цвета. Так, например, веб-дизайн использует цифровую цветовую модель RGB, полноцветная печать – модель SMYK. Поясним суть цифровых цветовых моделей на примере RGB, аббревиатуры, включающей первые буквы слов *red*, *green*, *blue*. «Цвет на экране монитора формируется при объединении лучей трех основных цветов – красного, зеленого и синего <...>. Графические программы позволяют комбинировать требуемый RGB-цвет из 256 оттенков красного, 256 оттенков зеленого и 256 оттенков синего. Итого получается $256 \times 256 \times 256 = 16,7$ миллионов цветов» [Цветовые модели RGB и SMYK: URL]. (См. также HEX, HTML, CSS и др.).

Сегодня существуют специализированные системы цвета, в которых термины имеют чаще всего условную, немотивированную вербализацию или кодируются с помощью цифровой записи. «Новый взгляд на определение репрезентации показывает, что в мышлении человека существуют сложные, еще не до конца изученные механизмы, позволяющие ему адаптировать информацию, получаемую им об окружающем мире, к своему сознанию, систематизировать и использовать эту информацию для жизни» [Лукьянченко, 2013, с. 168]. (См. также [Болдырев, 2007]).

Представленные в нашей работе примеры названий красного цвета позволяют сделать некоторые общие выводы.

Разнообразие и количество цветов безмерно, наблюдается большое несоответствие между возможным количеством оттенков различных цветов и их вербализацией в конкретном языке на различных этапах его истории. Способы восприятия

цвета и культурные предпочтения регламентируют репрезентацию цвета и, соответственно, модель цветовой картины конкретного языка.

Тот или иной цвет приобретает смысл только в качестве признака объекта или в качестве единицы текста. Так, например, оттенок красного цвета, описать который достаточно сложно (красно-рыжий?), получил вербальную объективацию постольку, поскольку был замечен и выделен необычный цвет верхнего века глаз куропатки, получивший название *куропаткины глаза*. Подобный мотиватор характеризуется как нерепрезентативный, соответственно, данное именование не закрепилось в языковой системе русского языка, а название стало фактом истории цветовой картины русского языка. И напротив, сегодня говорящему на русском языке при продуцировании или восприятии текстов с цветолексемами *розовый, красный, белый, черный* и др. нет нужды обращаться к цветовым образам крови, чайной розы, снега, сажи; значения этих лексем укоренены в концептуальной и языковой системе и абстрагированы, с их помощью возможно описание различных, как стереотипных, так и уникальных, ситуаций: *Горел в лесах звездой алой / Осенней неги поцелуй; И медленно рея багровым хвостом, / Помчалась к земле голубая комета* (Н. Гумилев). Можно думать, что забвение мотивации может быть результатом частотного употребления лексем в контекстах с множеством различных объектов, и как следствие – богатство символических смыслов (см., например, символику розового цвета). Другие цвета, напротив, закреплены за объектами: *заря и губы – алые, щеки – румяные, флаги – кумачовые*.

Можно констатировать, что в настоящее время социумы оперируют различными системами цветообозначения. Одна из них отражает наивные знания о цвете как результат познания действительности и культурного освоения цветовой системы, другие системы продуцированы искусственно, обозначаются с помощью специальных терминов или цифровых кодов и, как правило, не репрезентативны в системе общепонятного языка.

Репрезентация цвета обусловлена законами восприятия, культурными традициями, природными условиями, а также цивилизованным уровнем социума. Цветовая картина мира открыта и подвижна, конкретные цвета находятся на различных ступенях адаптированности в культуре и репрезентативной системе.

Библиографический список

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. – 2007. – Вып. 4. – С. 17–27.

Буймистру Т. А. Колористика. Цвет – ключ к красоте и гармонии. – М.: Ниола-Пресс. – 2010. – 222 с.

Наименование цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / ред. А.П. Василевич. – М.: КомКнига. – 2007. – 320 с.

Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. – М.: КомКнига. – 2005. – 216 с.

Гатауллина Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа. – 2005.

Ильина О.В., Бондарева, К.Ю. Цветоведение и колористика. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет растительных полимеров. – 2008. – 120 с.

Козлова Н.Н. Цветовая картина мира в языке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 82–88.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. – 1997. – 245 с.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. – М.: Московский Лицей. – 2001. – 470 с.

Лукьянченко Е.А. К вопросу понимания ментальной репрезентации // Вестник МГИМО-Университета. – М.: Московский государственный университет международных отношений. – 2013. – № 2. – С. 167–169.

Названия цветов. URL: <https://colorscheme.ru/color-names.html>

Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М.: Международные отношения. – 2001. – 560 с.

Садыкова И.В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Томск. – 2006.

Список устаревших названий цветов и оттенков. URL: <http://avdollslivejournal.com/128193.html>

Федяева Н.Д. Цветы и цвета в русском языке: о некоторых чертах ассоциативных полей флоронимов в аспекте создания рекламного текста // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. – 2013. – № 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8533>

Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. – М.: Литературный институт им. А. М. Горького. – 2009. – 532 с.

Цвета автомобилей. URL: <https://colorscheme.ru/car-color-paint.html>

Berlin B. and Kay P. Basic Colour Terms. Their Universality and Evolution. – Berkley and Los Angeles: University of California Press. – 1969. – 178 p.

Словари

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб: Норинт. – 2000. – 1636 с. (В тексте БТС).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник. – 1997. – 944 с. (В тексте Ожегов).

References

- Berlin B.* and *Kay P.* Basic Colour Terms. Their Universality and Evolution. – Berkley and Los Angeles: University of California Press. – 1969. – 178 p.
- Boldyrev N.N.* Reprezentacija znanij v sisteme jazyka // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. Tambov: Tombovskij gosudarstvennyj universitet imeni G.R. Derzhavina. – 2007. – Vyp. 4. – S. 17–27.
- Bujmistru T. A.* Koloristika. Cvet – ključ k krasote i garmonii. – M.: Niola-Press. – 2010. – 222 s. *Cveta avtomobilej*. URL: <https://colorscheme.ru/car-color-paint.html>
- Fedjaeva N.D.* Cvety i cveta v ruskom jazyke: o nekotoryh chertah asociativnyh polej floronimov v aspekte sozdanija reklamnogo teksta // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. – 2013. – № 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8533>
- Gataullina L.R.* Rol' cvetooboznachenij v konceptualizacii mira: na materiale frazeologizmov anglijskogo, nemeckogo, francuzskogo, rusckogo i tatarskogo jazykov: diss. ... kand. filol. nauk. – Ufa. – 2005.
- Harchenko V.K.* Slovar' cveta: real'noe, potencial'noe, avtorskoje. – M.: Literaturnyj institut im. A. M. Gor'kogo. – 2009. – 532 s.
- Il'ina O.V., Bondareva, K.Ju.* Cvetovedenie i koloristika. – SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet rastitel'nyh polimerov. – 2008. – 120 s.
- Kozlova N.N.* Cvetovaja kartina mira v jazyke // *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie. – 2010. – № 3. – S. 82–88.
- Kubrjakova E.S.* Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova. – 1997. – 245 s.
- Kul'pina V.G.* Lingvistika cveta: Terminy cveta v pol'skom i ruskom jazykah. – M.: Moskovskij Licej. – 2001. – 470 s.
- Kuznecov S. A.* Bol'shoj tolkovyj slovar' rusckogo jazyka. – SPb: Norint. – 2000. – 1636 s. (V tekste BTS).
- Luk'janchenko E.A.* K voprosu ponimanija mental'noj reprezentacii // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. – M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet mezhdunarodnyh otnoshenij. – 2013. – № 2. – S. 167–169.
- Naimenovanie cveta v indoevropskijh jazykah: Sistemnyj i istoričeskij analiz* / red. A.P. Vasilevich. – M.: KomKniga. – 2007. – 320 s.
- Nazvanija cvetov*. URL: <https://colorscheme.ru/color-names.html>
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju.* Tolkovyj slovar' rusckogo jazyka. – M.: Azbukovnik. – 1997. – 944 s. (V tekste Ozhegov).
- Pohljobkin V.V.* Slovar' mezhdunarodnoj simvoliki i jemblematiki. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. – 2001. – 560 s.
- Sadykova I.V.* Oboznachenie krasnogo cveta v ruskom jazyke v istoriko-jetimologičeskome aspekte: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. – Tomsk. – 2006.
- Spisok ustarevshih nazvanij cvetov i ottenkov*. URL: <http://avdolls.livejournal.com/128193.html>
- Vasilevich A.P., Kuznecova S.N., Mishhenko S.S.* Cvet i nazvanija cveta v ruskom jazyke. – M.: KomKniga. – 2005. – 216 s.